

Людей, приведенных в тронный зал, заставляют встать на колени перед вельможами, заставляя зал замолчать от неожиданного представления. Глаза Майкла застывают, когда он смотрит вниз на три семьи, или, по крайней мере, так он их себе представлял.

Три пары мужчин и женщин среднего возраста с сыновьями и дочерьми, возраст которых варьировался от семи лет до четырнадцати. Все они были в сильных синяках и выглядели совершенно измотанными, не в силах оказать никакого сопротивления, так как охранники заставили их встать на колени.

Мужчина, барон Джаргкон, подходит и гладит волосы одного из мальчиков, заставляя его вздрагивать и плакать, в то время как на лицах взрослых появляется выражение бесполезной ярости. "Дамы и господа! Позвольте представить вам семьи Ларчфилд, Патрик и Долсмут... Их имена, конечно, не важны, так как только их преступления действительно имеют значение сейчас.

Эти люди пытались уклониться от уплаты налогов, полагая, что предатель, принц Уэльс, является истинным правителем Альбиона. Как вы видите, я пытался пресечь подобные идеи, но, похоже, требуется более твердая рука... Леди Шеффилд, если позволите?" - говорит он, освобождая место для Шеффилд.

Эта сука Шеффилд угрожающе улыбается, подходя к Майклу, становится позади него и кладет руки ему на плечи, шепча на ухо. "Гандальф,

...

Разум Майкла отключается от этой просьбы, но его тело уже в действии, он медленно идет к шестилетнему мальчику, который со слезами на глазах смотрит на него. "Нет." Майкл внутренне бормочет, не в силах оказать никакого сопротивления, когда рука его тела возвращается назад и ударяет мальчика, посылая его обратно в ноги гвардейца, ожидающего недалеко позади группы.

Кашель!

Охранник швыряет мальчика на пол, и тот начинает сильно кашлять, держась за грудь, пока лежит на полу. Удар Майкла был достаточным, чтобы сломать ребра маленькому ребенку, и, судя по крови, которую он выкашливал, возможно, он пробил легкое.

В этот момент сознание Майкла отключилось, его эго замолчало, пока его мозг вспоминал эти сцены. Шеффилд и вельможи в тронном зале начинают смеяться и приказывать ему делать больше, некоторые даже бросают столовые приборы.

Тело Майкла выхватывает вилку из воздуха и вонзает ее в руку мальчика, отчего тот кашляет и кричит от боли. Некоторые из сдерживаемых взрослых пытаются помочь мальчику, но их снова отталкивают охранники, пока тело Майкла продолжает мучить мальчика.

Туд!

Туд!

Туд!

Тело Майкла наносит мальчику удары, снова и снова, пока он совсем не перестает двигаться. Тогда он слышит крик барона Жаргкона, который к этому времени наелся вина, наблюдая за

развитием событий: "Раздави его череп!".

И его тело следует приказу.

***КРУШЕНИЕ!**

Череп юноши рушится под его босой ногой, ломая кости и раздавливая мозговое вещество, когда он взрывается, являя собой зрелище чистой крови и жестокости. Дворяне ликут, крестьяне кричат, но Майкл ничего не делает, даже не убирает ногу с черепа ребенка.

Однако его разум - совсем другое дело: "ФУУУУУУУК! НЕТ! ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАНОВИТЕСЬ! ЭТО МОЕ ТЕЛО! ОСТАНОВИСЬ УЖЕ!" - внутренне кричит он, и слезы начинают катиться по его лицу, несмотря на то, что у него нет приказа плакать.

Однако дворяне только громче аплодируют его состоянию, а сама Шеффилд радостно ухмыляется, глядя на его душевное смятение.

Ночь на этом, конечно, не закончилась. Было еще много людей, которые требовали наказания...

Майкл просыпается и обнаруживает, что его подушка полностью промокла от слез, он трет лицо, но не чувствует в себе сил даже встать, несмотря на дискомфорт от влажной подушки. Он отчетливо помнит эту ночь, поскольку она стала началом смены тактики Шеффилд. Вместо простых физических пыток и членовредительства она начала использовать его в качестве палача. При этом она следила, чтобы каждого убитого им человека забивали до смерти голыми руками, чтобы он запомнил ощущения.

И это сработало... Даже сейчас его костяшки пальцев подрагивали от фантомных ощущений ломающейся под ними кости. Он был бы не против казни преступников, но невинные люди, единственным преступлением которых было несогласие с Реконкистой?...

Хуже всего было смотреть в глаза людей, когда он жестоко убивал их. Как только он начинал плакать, они понимали, что он делает это не по своей воле. После этого понимания они как будто позволяли ему убивать их, даже представляя их шеи, чтобы быстрее прекратить их страдания.

Убийство взрослых было бы в порядке вещей, груз на его совести, но с ним можно было справиться... Но что Шеффилд заставляла его делать с детьми? Он бы заставил ее заплатить за это, он бы содрал с нее кожу и бросил в гребаную канализацию!

Прошло около двух часов, прежде чем Майкл снова смог прийти в себя. Он все еще был уставшим, так как кошмар разбудил его гораздо раньше, чем он хотел. Однако он не осмелился снова заснуть, опасаясь увидеть тот же сон.

Он снова прокручивает в голове слова Расты, но не находит успокоения в своей совести, не говоря уже о ненависти к Кромвелю и Шеффилд.

Однако, когда время достигает 9 часов утра, происходит нечто странное... У него возникает сильное чувство дежавю, как будто что-то было на кончике его языка, но он просто не мог это сказать. Он чувствует странную потребность взглянуть на свою карту, и как только он это делает, он начинает сканировать ее сверху вниз...

И тут он замечает несоответствие. Не большое, но такое, которое он как-то упустил из виду. В каждой деревне, которую он посещает, он делает отметку, что он там уже был, но след от потертости, оставленный Вествудом, отличался от других. След был гораздо глубже и длиннее, как будто его сделал кто-то с более длинными ногтями...

<http://tl.rulate.ru/book/64004/2849230>